

УДК 316.728+81-25+304.2**Поморская торговля как феномен этнокультурного диалога****Пшенко Регина Алексеевна**

Аспирант,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
163002, Российская Федерация, Архангельск, наб. Северной Двины, 17;
e-mail: pshenkoregina@gmail.com

Аннотация

В статье исследован опыт коммуникации русских поморов и норвежских промышленников в ходе Поморской торговли. Взаимовыгодные экономические контакты стали причиной диффузии культур русских поморов и промышленников Северной Норвегии. Механизмами коммуникации стали упрощенный язык международного общения - пиджин Руссенорск, адаптация норвежских географических топонимов в русских Мореходных книгах – поморских лоциях, а также русские имена и термины Норвежских торговых книг. Единая система коммуникации свидетельствует о тесной интеграции культур, а Поморская торговля рассматривается как опыт этнокультурного диалога «культуры моря» и «культуры поля» в экстремальных природно-климатических условиях Севера и Арктики, где необходимость выживания стимулирует взаимопонимание и обмен знаниями. Этнокультурный предполагает усвоение «своего» и отбрасывание «чужого» по отношению к генетическому коду культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Пшенко Р.А. Поморская торговля как феномен этнокультурного диалога // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 12А. С. 30-37.

Ключевые слова

Поморская торговля, культурная диффузия, коммуникационная среда, Руссенорск, Поморские лоции, Север России, Северная Норвегия.

Введение

Актуальность исследования определена возрастанием в динамично меняющемся обществе интереса к своим истокам и проблемам этнокультурного пограничья в условиях глобализации. Историография нашей темы имеет комплексный характер и включает в себя этнографические материалы С.В. Максимова, К.П. Гемп, Т.А. Бернштам. Активная фаза поморской торговли подробно рассматривается в сочинениях Т.А. Шрадер, М.Л. Паламарчук. Важнейшим источником являются Торговые норвежские книги и Мореходная книга (лоция) XVIII «Река Кушерецка», опубликованная В.Н. Матониным. Ареалы написания поморских лоций определены И.Ю. Шундаловым и М.А. Савиновым [Шундалов, Савинов, 2007]. Важнейшие сведения по нашей теме мы находим в «Морском сборнике» конца XIX – XX вв.

Поморская торговля сопровождается культурной диффузией и созданием единого поля коммуникации. Международное сотрудничество, выстроенное на основе взаимной зависимости, способствует созданию единого социокультурного пространства между странами, что отражено в теории Роберта Кеохейна и Джозефа Найа. Если рассматривать Поморскую торговлю как социокультурный процесс, то, согласно работам Эдварда Холла и Герта Хофстеде, единое поле коммуникации включает понимание сторонами культурных различий, а впоследствии их взаимную адаптацию.

Поморская торговля – уникальное экономическое явление, в котором реализуется сложная система этнокультурного диалога между Севером России и Северной Норвегией. Первопричинами данного явления стали географические особенности территорий Севера России и Северной Норвегии. Белое море, относящееся к внутренним шельфовым морям, характеризуется средней глубиной в 67 метров и максимальной глубиной, достигающей 350-ти метров. В отличие от него, Норвежское море, расположенное у берегов Норвегии, представляет собой глубоководный бассейн со средней глубиной около 1700 метров и максимальной — 3970 метров. К тому же стоит упомянуть о теплом Норвежском течении, которое является продолжением Гольфстрима, перенося теплые воды из Атлантического океана на северо-восток, в тот момент как Белое море покрывается льдом на 6-8 месяцев, что существенно затрудняет промысловую деятельность.

Активная фаза Поморской торговли – XVI-XVII вв [Шрадер, 2020], однако первые торговые связи между Севером России (Новгородом) и Северной Норвегией относят к XII веку [Паламарчук, 2012]. Сохранились сведения о выходах новгородских промышленников в Белое море, на Мурман, на побережье Ледовитого океана, занимавшихся здесь ловлей рыбы, моржей и тюленей [Аристов, 1866]. Ранний этап Поморской торговли принято связывать с развитием мореплавания и расширением торговых маршрутов Новгородской республикой. Этот этап заложил основу для дальнейшего сотрудничества, создания постоянных торговых маршрутов, а также способствовал экономическому развитию северных территорий Руси и Северной Норвегии.

Заимствование норвежских топонимов в Поморских лоциях

К раннему этапу и становлению практик мореплавания относятся также и создание мореходных книг – Поморских лоций, которые запечатлели эмпирический опыт мореплавания и навигации. Поморские лоции – это рукописные книги с описанием маршрутов,

географических объектов (берегов, шхер, подводных камней, скал, отмелей и пр.), указанием ветров, течений, глубин, а также мест стоянок [Шрадер, 2002]. Мореходные книги служили безопасностью плавания в сложных природно-климатических условиях северных морей. Данные рукописные книги выступали источником эмпирического знания, в большинстве случаев, передаваемого устно, однако уцелевшие Поморские лоции, являются примером материализованной формы. Поморы создавали мореходные книги с описанием территории Белого моря, Кольского полуострова, Северного Ледовитого океана и Норвежского моря. На данный момент известно о 12 сохранившихся лоциях. Важно заметить, что авторство у лоций установить невозможно, так как они многократно дополнялись и уточнялись, часто они передавались из поколения в поколение. По этой же причине практически невозможно классифицировать лоции по диахроническому признаку, однако возможно определить приблизительные ареалы из написания. Так, по мнению И.Ю. Шундалова и М.А. Савинова, основными центрами написания известных лоций являются Кемь, Сорока, Сума и остров Мудьюг [Шундалов, Савинов, 2007].

Поморские лоции так же являются важным источником адаптации норвежских топонимов к русскому языку, тем самым демонстрируя один из аспектов создания единого коммуникационного пространства. В статье «Языковой ландшафт в русско-норвежской коммуникации (на примере топонимики)» [Шундалов, Савинов, 2007] ранее автором был проведен анализ топонимов, где были рассмотрены три сохранившиеся лоции: «Расписание мореходства, или Лоция беломорских поморцев» [Козлов, 1866], «Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов» [Морозов, 1909], «Продолжение лоции беломорских поморцев: Наставление к путешествию по морскому тракту из поморских волостей, по Мурманскому берегу и данному владению в подробном описании становищи расстояний» [Фрейганг, 1866].

Анализ топонимов показал, что при их заимствовании и адаптации, наиболее часто происходит полное или частичное калькирование. Калькирование топонимов – процесс переноса названий из одного языка в другой с полным заимствованием оригинального звучания. С целью сохранения фонетических особенностей, изменению могут подвергаться грамматические нормы. Пример полного калькирования - Берлеваг – Berlevåg; Кильвик – Kilvik [Пшенко, 2024]. При частичном калькировании часто происходит редуцирование отдельных сложно произносимых звуков в ходе фонетической адаптации. Пример частичного калькирования: Аморфест (Амарфист, Хамарфист) – Hammerfest, где редуцируется сложнопроизносимый для русскоговорящего населения звук [h] [Пшенко, 2024]. Ещё одна распространенная форма заимствования – это антономазия, замена норвежского топонима на русский, образованный от антонима. Данная форма особенно интересна, потому что отражает отношение «пространство-человек». Примером данной адаптации может служить топоним Kongsfjord, который впоследствии был трансформирован в топоним Фони́на губа в поморских лоциях. Также в ходе заимствования норвежских топонимов, часто наблюдается особенность прибавления окончания -н, что можно наблюдать в примерах: Хайен – Håja; Лопан – Loppa; Тромсин – Tromsø [Пшенко, 2024].

Таким образом, заимствованные и адаптированные топонимы в поморских лоциях служат не только ценным материалом для мореплавания, упрощения морской навигации, но и свидетельством культурного взаимодействия. Использование норвежских названий демонстрирует высокий уровень интеграции культур и дополнительно подтверждает существование глубоких исторических контактов.

Руссенорск – унифицированная форма коммуникации

XVI-XVIII века принято считать периодом кульминации русско-норвежской торговли, когда объем менового товарооборота достиг своего максимума. Товарами обмена становились рыба, зерно, соль, древесина, мех, животный жир, а иногда даже предметы декоративно-прикладного искусства. Экономические отношения носили взаимовыгодный характер, чему содействовало несколько факторов. Во-первых, население Северной Норвегии испытывало острую потребность в зерне, поскольку данная территория, ввиду сложного рельефа местности, на протяжении долгого времени была практически отрезана от южных районов страны, а субарктический климат не позволял развивать сельское хозяйство. Кроме того, в период расцвета отношений, Норвегия не была полностью самостоятельной, находясь в унии с Данией. Данная зависимость становилась дополнительным фактором ограничения ресурсов. Во-вторых, со стороны Севера России, потребность состояла в рыбных ресурсах. Рыбные ресурсы поставлялись в центральные районы России. Зерно же беспрепятственно поставлялось в Норвегию, благодаря системе северных рек и волоков. Поморы являлись посредниками в торговле, благодаря навыкам и опыту плавания в условиях Арктики.

С развитием отношений и нарастанием интенсивности коммуникации, пропорционально возрастала потребность в единой системе общения, что стало причиной зарождения пиджина руссенорск (русско-норвежского торгового языка), призванного обеспечить взаимопонимание населения Севера России и Северной Норвегии. Пиджин руссенорск – торговый пиджин, в котором насчитывается 350-400 лексем, однако «ядром» являются около 150 слов [Русинов, www...]. Руссенорск был исследован норвежским лингвистом Олафом Броком (Olaf Broch). Он систематизировал лексический состав, указав на то, что данный пиджин представлял комбинацию русских и норвежских лексем практически в равных пропорциях, он также указал на адаптационные механизмы для упрощения использования и произношения [Orgjørsbog for Pomorer og Russer B (1899-1907)].

Несмотря на то, что руссенорск является классическим пиджином, он также обладает рядом особенностей, которые выделяют его среди других языков общения. Характерной чертой для пиджинов является отсутствие глагола-связки, что также характерно для руссенорска. Примером может являться предложение «Russman bra mann», что в переводе значит «Русский – хороший человек». Отличительной особенностью руссенорска является сосуществование двойных лексем, так для обозначения слова «нет», использовалась лексема *njet* (русская лексема «нет») и *ikke* (норвежская лексема «ikke»). Вторым примером дуплетного использования можно рассмотреть указательное слово «это», которое также существовало в форме *eta* (русская лексема «эта») и *den* (норвежская лексема «den», «denne»). Ввиду недостаточного количества лексем, для описания отдельных объектов и явлений использовалась целая фраза, которая могла бы объяснить понятие. Например: *Stova paa Kristus spraeek*, где дословный перевод: изба/дом, где о Христе говорят, понятие: церковь.

Руссенорск играл ключевую роль в обеспечении взаимодействия в рамках Поморской торговли, служа эффективным средством коммуникации как в торговых сделках и обмене товарами, так и в повседневных ситуациях. Этот пиджин не только способствовал экономическим процессам, но и становился важным инструментом культурного обмена. Он обеспечивал контакт между представителями различных культур, что способствовало формированию взаимного уважения и понимания между народами.

Норвежские торговые книги: адаптация имен собственных

Источником, хранящим подтверждения коммуникации населения Севера России и Северной Норвегии и способы адаптации языковых систем, также являются торговые книги «Kompanibøker» и «Hovedbok». Данные книги составлялись норвежской стороной с целью контроля меновой торговли с поморами. В книгах указаны имена тех, с кем совершались сделки, а также названия русских судов, приплывающих к берегам Норвегии. В книге «Opgjørsbog for Pomorer og Russer» [Opgjørsbog for Pomorer og Russer B (1899-1907), www...] 1899-1907 гг. было обнаружено упоминание Федора Сметанина и Андрея Сметанина. Данные имена были записаны в список тех, с кем совершались сделки в 1899 году. Имена были записаны рукописно – Fedor Smetanin, Andrei Smetanin. Такое написание свидетельствует о полном калькировании имен собственных при переносе из русского языка в норвежский.

По свидетельству потомков, династия Сметаниных известна тем, что они занимались зверобойным промыслом, а также скупали рыбу в Норвегии и продавали в Архангельске. «Отец, Борис Романович (1866-1947) ходил на судах по найму от Сметанина из Сюзьмы. У Сюземского Сметанина были свои суда, дом в Архангельске. Занимались зверобойкой, в Норвегию ходили» (Информант Сметанин М.Б. 1906 г. д. Яреньга) [Цветкова, Трошина, 1990]. «Отец, Мудьюгин Федор Максимович от Сметаниных плавал в Норвегию... с 1898 по 1901 гг. на шхунах "Надежде" и "Держава"... матросом» (Информант Пурнемцева Н.Ф. п.Ненокса) [Цветкова, Трошина, 1990]. Сметанины набирали на суда мужчин из деревень южного Беломорья для плаваний в Белом и Баренцевом морях.

На расчетных листах также зафиксировано имя Авинира Буркова. Информация о нем приведена в отчете об экспедиции на Летний берег. Известно, что он был родом из Патракеевской волости. В 1889 году Авинир приобрел мореходный карбас «для морской промышленности и торговли с Норвегией» [Цветкова, Трошина, 1990]. Форма адаптации имени — Avinir Burkoff, где согласная [v] в окончании фамилии заменена на глухую двойную согласную [ff], что связано с особенностями адаптации славянских фамилий в рамках англоязычной транслитерации.

Выводы

Поморская торговля, играя важную экономическую роль, являлась платформой для создания интегрированного поля коммуникации. Проведенный анализ двусторонних лингвистических заимствований свидетельствует о глубоком процессе социокультурного обмена. Пиджин руссенорск, выполнявший функцию лингвистического посредника, демонстрирует эффективность языковой адаптации в условиях трансграничной торговли, способствуя упрощению и стандартизации коммуникации. Адаптация норвежских топонимов в поморских логиях отражает не только прагматический подход поморов к морской навигации, но и активный процесс взаимного культурного проникновения. В свою очередь, заимствование русских имен собственных в норвежских торговых документах указывает на сложившуюся практику межкультурного взаимодействия, подтверждающую интенсивность торгово-экономических связей. В разное время отношения между поморами и норвежскими промышленниками принимали то напряженный, то дружественный характер. Диалог культур не затрагивал сферу сакрального, но активно реализовывался в форме торгового и промышленного взаимодействия, являясь альтернативой политическому и военному противостоянию.

Библиография

1. Аристов Н.Я. Промышленность древней Руси. – СПб., 1866. – 335 с.
2. Гемп К.П. Сказ о Беломорье: словарь поморских речений. — М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004. – 637 с.
3. Козлов В.Г. (ред.) Росписание мореходства или Лоция беломорских поморцев: Морской сборник., 1866. Т. LXXXIII, № 3. – С. 19–51.
4. Комягина Л. П., Матонин В. Н., Тропина В. В. Река Кушерецка: мореходная книга XVIII века (историко-культур. контекст, мат-лы, исслед.) / В. Н. Матонин (ред.) – Архангельск: Товарищество северного мореходства, 2011. – 189 с.
5. Максимов С.В. Год на Севере. 3-е доп. изд. — СПб, 1871. – 690 с.
6. Морозов Н.В. (ред.) Мореходная книга или лоция Беломорских поморов: Записки по гидрографии., 1909. Т. XXX. – С. 269–305.
7. Паламарчук М.Л. Баренц-поморская торговля как феномен культуры // Russian Journal of Education and Psychology, №11(19), 2012.
8. Пшенко Р.А. Языковой ландшафт в русско-норвежской коммуникации (на примере топонимики) // Кенозерские чтения – 2023. Ландшафт человека: исследования Русского Севера на перекрестке наук: сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции. ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». – Архангельск, 2024. – С. 181–189.
9. Русинов А. Do you speak моја-ро-твоја? // Санкт-Петербургский университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.journal.spbu.ru/OLD/Spbum01-97/16.html>.
10. Фрейганг А.В. (ред.) Продолжение лоции беломорских поморцев: Наставление к путешествию по морскому тракту из поморских волостей, по Мурманскому берегу, и данному владению, в подробном описании становищ и расстояний: Морской сборник., 1866. Т. LXXXV, № 7. – С. 129–147.
11. Цветкова Л. И., Трошина Т. И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. – 62 л.
12. Шрадер Т.А. Взаимовлияние культур русских и норвежцев в период Поморской торговли (XVIII-XIX вв.) // Кунсткамера, №3 (9), 2020. – С. 141–147.
13. Шрадер Т.А. Поморские лоции — источник изучения истории плавания русских в Северную Норвегию // Мавродинские чтения. – СПб., 2002. – С. 129–134.
14. Шундалов И.Ю., Савинов М.А. Поморские лоции как исторический источник // Соловецкое море. 2007. № 6. – С. 31–42.
15. Broch O. Russenorsk // Maal og Minne, 1927. – P. 81- 130.
16. Hall Edward T. The Silent Language. Garden City, NY: Doubleday, 1959. – 208 p.
17. Keohane Robert O., Joseph S. Nye. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Longman, 1977. – 382 p.
18. Opgjørsbog for Pomorer og Russer B (1899-1907) // Digitalarkivet er en tjeneste fra Arkivverket. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.digitalarkivet.no/view/112199/1>.

Pomor trade as a phenomenon of ethnocultural dialogue

Regina A. Pshenko

Postgraduate student,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
163002, 17, Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, Russian Federation;
e-mail: pshenkoregina@gmail.com

Abstract

The article explores the experience of communication between Russian Pomors and Norwegian industrialists during the Pomor trade. These mutually beneficial economic contacts facilitated the diffusion of cultures between Russian Pomors and the inhabitants of Northern Norway. The mechanisms of communication included the simplified international pidgin language Russenorsk,

the adaptation of Norwegian geographical toponyms in Russian Sailing Directions—Pomor navigational guides—and the incorporation of Russian names and terms in Norwegian trade books. This unified communication system reflects the close integration of the two cultures. The Pomor trade is viewed as an example of ethno-cultural dialogue between the “culture of the sea” and the “culture of the land” in the extreme natural and climatic conditions of the North and Arctic, where the need for survival fostered mutual understanding and the exchange of knowledge. The concept of ethno-cultural exchange implies the assimilation of “one’s own” elements and the rejection of the “foreign” with respect to the genetic code of culture.

For citation

Pshenko R.A. (2024) Pomorskaya trgovlya kak fenomen etnokul'turnogo dialoga [Pomor trade as a phenomenon of ethnocultural dialogue] *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (12A), pp. 30–37.

Keywords

Pomor Trade, Cultural Diffusion, Communication Environment, Russenorsk, Pomor Sailing Guides, Northern Russia, Northern Norway.

References

1. Aristov N.Ya. (1866). *Promyshlennost drevnei Rusi* [The industry of ancient Rus']. St. Petersburg. 335 p.
2. Broch O. (1927). *Russenorsk* [Russenorsk]. Maal og Minne, pp. 81–130.
3. Freigang A.V. (Ed.). (1866). *Prodolzhenie lotsii belomorskikh pomortsev: Nastavlenie k puteshestviyu po morskomu traktu iz pomorskikh volostei, po Murmanskomu beregu, i danomu vladeniyu, v podrobnom opisaniy stanovichch i rasstoyaniy* [Continuation of the sailing directions of the White Sea Pomors: Instructions for traveling along the sea route from Pomor volosts, along the Murman coast, and the given possession, in a detailed description of anchorages and distances]. *Morskoi sbornik* [Maritime Collection], 85(7), pp. 129–147.
4. Gemp K.P. (2004). *Skaz o Belomore: slovar pomorskikh rechenii* [The tale of the White Sea: a dictionary of Pomor expressions]. Moscow: Nauka; Arkhangelsk: Pomorskii universitet. 637 p.
5. Hall E.T. (1959). *The Silent Language*. Garden City, NY: Doubleday. 208 p.
6. Keohane R.O., Nye J.S. (1977). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Longman. 382 p.
7. Komyagina L.P., Matonin V.N., Tropina V.V. (2011). *Reka Kusheretska: morekhodnaya kniga XVIII veka (istoriko-kulturnyi kontekst, mat-ly, issled.)* [The Kusheretska River: an 18th-century navigation book (historical and cultural context, materials, research)]. V.N. Matonin (Ed.). *Arkhangelsk: Tovarishchestvo severnogo morekhodstva*. 189 p.
8. Kozlov V.G. (Ed.). (1866). *Rospisanie morekhodstva ili Lotsiya belomorskikh pomortsev* [The navigation schedule or the sailing directions of the White Sea Pomors]. *Morskoi sbornik* [Maritime Collection], 83(3), pp. 19–51.
9. Maksimov S.V. (1871). *God na Severe* [A year in the North] (3rd ed.). St. Petersburg. 690 p.
10. Morozov N.V. (Ed.). (1909). *Morekhodnaya kniga ili lotsiya Belomorskikh pomorov* [The navigation book or the sailing directions of the White Sea Pomors]. *Zapiski po gidrografii* [Notes on Hydrography], 30, pp. 269–305.
11. *Opgjørsbog for Pomorer og Russer B (1899-1907)* [Settlement book for Pomors and Russians B (1899–1907)]. Digitalarkivet er en tjeneste fra Arkivverket. Retrieved from <https://media.digitalarkivet.no/view/112199/1>
12. Palamarchuk M.L. (2012). *Barents-pomorskaya trgovlya kak fenomen kultury* [The Barents-Pomor trade as a cultural phenomenon]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 11(19).
13. Pshenko R.A. (2024). *Yazykovoi landshaft v rusko-norvezhskoi kommunikatsii (na primere toponimiki)* [Linguistic landscape in Russian-Norwegian communication (based on toponymy)]. In *Kenozerskie chteniya – 2023. Landshaft cheloveka: issledovaniya Russkogo Severa na perekrestke nauk* [Kenozero Readings – 2023. Human landscape: studies of the Russian North at the crossroads of sciences]. Arkhangelsk: FGBU “Natsionalnyi park ‘Kenozerskii’”, pp. 181–189.
14. Rusinov A. (n.d.). *Do you speak moja-po-tvoja? [Do you speak moja-po-tvoja?]*. Sankt-Peterburgskii universitet [St. Petersburg University]. Retrieved from <http://old.journal.spbu.ru/OLD/Spbum01-97/16.html>
15. Shrader T.A. (2002). *Pomorskie lotsii — istochnik izucheniya istorii plavaniya russkikh v Severnuyu Norvegiyu* [Pomor sailing directions as a source for studying the history of Russian voyages to Northern Norway]. *Mavrodinskii chteniya* [Mavrodin Readings]. St. Petersburg, pp. 129–134.
16. Shrader T.A. (2020). *Vzaimovliyanie kultur russkikh i norvezhcev v period Pomorskoi trgovli (XVIII-XIX vv.)*

-
- [Mutual influence of Russian and Norwegian cultures during the Pomor trade (18th–19th centuries)]. *Kunstkamera* [Kunstkamera], 3(9), pp. 141–147.
17. Shundalov I.Yu., Savinov M.A. (2007). Pomorskie lotsii kak istoricheskii istochnik [Pomor sailing directions as a historical source]. *Solovetskoe more* [Solovki Sea], 6, pp. 31–42.
18. Tsvetkova L.I., Troshina T.I. (1990). Otchet ob ekspeditsii na Letnii bereg. 1990 g. [Report on the expedition to the Summer Coast. 1990]. Nauchnyi arkhiv GBUK AO “Arkhangelskii kraevedcheskii muzei” [Scientific Archive of the Arkhangelsk Museum of Local Lore], F. 3, Op. 3, D. 574. 62 sheets.